

Научная статья
УДК 821.161.1+ 821.512.164
doi: 10.17223/24099554/19/13

Милитарная образность в выстраивании мифологии советского Востока (на материале русскоязычной и переводной поэзии из туркменских альманахов 1930-х гг.)

Алла Олеговна Бурцева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, alla.burtseva@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается феномен воображаемого Востока в контексте милитарной образности. Стихотворения В. Луговского, Г. Санникова, Ш. Кекилова и Х. Чарьева отражают формирующийся миф о Туркменистане, в котором актуализируются и милитарные тенденции. Материалы рецензий помогают проследить первичную рецепцию подобных произведений, архивные источники – уточнить их историю. Тексты демонстрируют, что Туркменистан представлял собой воображаемое пространство, в котором сочетается миф о Востоке и миф о войне.

Ключевые слова: Туркменистан, альманахи, Г. Санников, В. Луговской, Ш. Кекилов, Х. Чарьев, воображаемый Восток, милитаризм

Источник финансирования: Исследование проведено в ИРЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-01902 «Милитаризация литературы как культурный проект межвоенной эпохи»).

Для цитирования: Бурцева А.О. Милитарная образность в выстраивании мифологии советского Востока (на материале русскоязычной и переводной поэзии из туркменских альманахов 1930-х гг.) // Имагология и компаративистика. 2023. № 19. С. 234–255. doi: 10.17223/24099554/19/13

Original article

doi: 10.17223/24099554/19/13

Military imagery in the construction of the mythology of Soviet East (the case of Russian-language and translated poetry from Turkmen almanacs of the 1930s)

Alla O. Burtseva

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
alla.burtseva@gmail.com*

Abstract. Based in the poems from Soviet almanacs of the 1930s, this article studies the phenomenon of the imaginary East in the context of military images. Soviet imaginary East carried a legacy of a pre-revolutionary view, but was different in some aspects. In particular, the rise of military propaganda in the 1930s influenced the poetry about Soviet East. This article considers the case of Turkmen almanacs, which were created after the so-called brigade journeys of the writers. The poems by V. Lygovskoi, G. Sannikov, Ş. Kekilow, and H. Çaryew reflect the formation of the Turkmen myth, which also actualizes military tendencies of the Soviet literature of this era. Imaginary Turkmenistan was, among other things, a field of the fight with desert and basmachi, as it was reflected in Lugovskoi's poem "To Bolsheviks of Spring and Desert". The poem considers desert as an aggressive enemy, which is to be conquered. These aspects constantly appear in the poems from almanacs. The archival sources explain the textual history of Sannikov's poem "The Ballad of Turkmen Carpet" – how the poet modifies his text in order to convince both the reader and the reviewer that his reflection of Turkmenistan is truthful. The poet describes the past of Turkmenistan, which consists of constant fight for freedom. The critical reviews by A. Roskin, Yu. Sevruck, and A. Adalis help to trace the primary reception of such texts – the assessment of the level of their "truthlikeness". The texts demonstrate that the Soviet East was an imaginary space, yet it was different from the pre-revolutionary one in some aspect, in the context of militarization on particular. Military imagery also was present in the poems of Turkmen authors. They gave a slightly different image of Turkmenistan, but they also constructed the mythology with military aspects. The difference from the pre-revolutionary view is the fact that Soviet poetry constructed its own type of imaginary hierarchy. It also contained colonial tendencies, but in a different way. The center and periphery were to "walk shoulder to shoulder" in order to concur the enemy – desert, or basmachi, or something else. The article concludes that military images of collective fight were one of the important factors of the new mythology of Soviet

East. Soviet poetry about Turkmenistan tried to construct a new and “truthful” type of image, but it was also a myth on new Soviet Central Asia and accumulated many aspects of Soviet literary ideology, such as militarization.

Keywords: Turkmenistan, almanacs, G. Sannikov, V. Lugovskoi, Ş. Kekilow, H. Çaryew, imaginary East, militarism

Financial Support: The study was carried out at the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences and supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-01902.

For citation: Burtseva, A.O. (2023) Military imagery in the construction of the mythology of Soviet East (the case of Russian-language and translated poetry from Turkmen almanacs of the 1930s). *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 19. pp. 234–255. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/19/13

В раннесоветский период в литературе и других видах искусства стал оформляться новый образ Востока. В нем имелись свои нюансы, отличные от ситуации XIX в. в силу кардинального идеологического поворота и декларируемой риторики о дружбе народов. Такого рода тенденции часто получают в исследовательской литературе обозначение ориентальных, однако имеют свои особенности, не совпадающие с классической схемой ориентализма, которую предлагает Э. Саид¹. Так, В. Тольц в книге «Собственный Восток России», говоря о востоковедении рубежа веков, замечает: «Сильные политические и социальные беспорядки в Российской империи начала XX столетия способствовали радикальному пересмотру взглядов на привычные источники авторитета и власти» [2. С. 301–302]. В 1930-е гг. ситуация также менялась, так, например, происходил постепенный поворот от коренизации к русификации².

Разумеется, советский ориентализм создавал свой воображаемый Восток в соответствии с новыми представлениями – не только идеологическими, но и художественными установками. И все же не стоит недооценивать сложность ситуации, в которой новая культурная по-

¹ См. его классическую работу «Ориентализм» [1].

² А. Халид отмечает: «Она (коренизация. – А.Б.) не до конца выполнила свое обещание и была свернута в 1930-е, однако само по себе обещание было важно» [3. Р. 187]. Здесь и далее перевод из английских источников наш.

литика, направленная на включение Центральной Азии в общесоветский дискурс, прорабатывала идею деколонизации. Не последнюю роль в этом играла возникающая концепция модернизации как противостоящей колониализму тенденции. Сам по себе дискурс модернизации во многом становится определяющим для культур советской Центральной Азии, возможно, вплоть до начала Большого террора. Так, Н. Скаков, говоря о национальных литературах СССР, утверждает: «...ориентализм советского образца противостоял западным империалистическим практикам и имел, в сущности, антиколониальную направленность» [4. С. 111].

Принципиально было бы говорить не только о формировании национальных литератур как таковых, но и об их взаимодействии с литературой о так называемых национальных республиках¹. Советская поэзия о Востоке вообще и о Туркменистане в частности, о котором пойдет речь в статье, формировала особый образ региона, подстраивающийся под задачу официальной культурной политики². Тенденция, таким образом, становилась двунаправленной: сосуществовали произведения о Туркменистане, написанные самими туркменами, и произведения писателей из центральных регионов (преимущественно Москвы), которые вступали в диалог между собой. К. Холт предлагает здесь оригинальную концепцию «внутренней» иконографии советского Востока, формирующейся в кино и литературе³. Холт отмечает:

...советская «имперская поэтика», сформировавшаяся в середине 1930-х, была связана с продвижением акторов, которые были готовы и могли не только создать советский ландшафт из абстрактных пространств Центральной Азии от имени государства, но и сохранить свое видение в рамках того, что я называю «внутренней иконографией» [6. Р. 287].

¹ В дальнейшем мы будем называть их периферией в противоположность центру, в частности Москве.

² Так, говоря о казахской литературе 1930-х гг., Ю.М. Козицкая отмечает: «Песни национальных певцов <...> были направлены на легитимацию советского строя» [5. С. 113].

³ Концепция Холт, однако, строится в первую очередь на произведениях авторов из центра, перед которыми стоит задача «познать Туркмению изнутри».

Под «иконографией» исследовательница, по всей видимости, понимает формирование образа преображенного Востока, образную систему его описания. Помимо прочих факторов, в создании образа нового Туркменистана значительную роль играл дискурс войны, который реализовался как в прямом, так и в переносном смысле. В фокусе нашего исследования находится в первую очередь советская поэзия, которая в 1930-е гг. получила дополнительный толчок к развитию военной темы в связи с актуализацией образа внешнего врага. Эта тема, однако, как мы покажем ниже, была связана не только с собственно концепцией обороны страны. Освоение же советской культурной политикой регионов Центральной Азии также было актуализировано в пропаганде. Как представляется в официальном дискурсе, эти темы переплетались между собой и порождали гибридную мифологию советского Востока.

По материалам путешествий в регионы Центральной Азии создавались литературные альманахи, куда входили произведения, так или иначе связанные с темой «правдивого» изображения региона – населения, культуры, природы. Прежде всего следует сказать, что «правдивое» изображение социалистического строительства в Туркмении было эксплицитно декларируемой установкой, такого рода заявления обильно встречаются в прессе, как в региональной (например, в газете «Туркменская искра»; см.: [7]), так и в центральной (вплоть до «Литературной газеты»¹). Писатели так или иначе пытались продемонстрировать, что советская поэзия, условно говоря, срывает покровы с образа восточной страны² и дает о ней новое – истинное, не искаженное – представление. Показательны в этом смысле два стихотворения Г. Шенгели – «По романам» и «На самом деле», где представление об экзотической восточной стране сталкивается с тем, что увидел герой, когда прибыл в Туркменистан.

В прессе этих лет можно встретить показательные заявления, смысл которых наиболее выражен в следующей цитате:

¹ См., например, сообщение о приеме у предсовнаркома Туркменской ССР Атабаева 10 февраля 1934 г. во время поездки второй писательской бригады [8]. См. также заметку «Первая ударная» о первой бригаде [9].

² Разумеется, отдельной страной Туркменистан не считался, однако показательно высказывание А. Платонова, который участвовал во второй поездке: «Туркмения – страна иронии» [10. С. 130].

Посещая города и аулы, войдя в гущу нашей творческой жизни, ударная писательская бригада увидит, как Туркмения строит социалистическую промышленность <...> перестраивает отсталое сельское хозяйство <...> создает она культурные очаги, школы, больницы, как молодежь упорно учится <...> Московские писатели увидят своим зорким художественным глазом, как Туркмения за короткое время превратилась в советскую республику¹.

В писательских поездках в Туркменистан участвовал ряд поэтов. В нашей статье мы сосредоточимся на тех из них, в произведениях которых восточная образность переплетается с военной, а также на собственно туркменской поэзии, которая также затрагивала эту тему.

Общеизвестно, что в 1930-е гг. в советской идеологии оформилась сталинская концепция классовой борьбы по мере приближения к социализму. Одновременно с этим усиливалась установка на подготовку обороны страны к грядущей войне. Однако тема понималась расширительно – это не только оборона страны как таковая, но и классовая борьба в целом. Эти установки играли роль и в литературе о периферии – нужно было представить читателю подлинную историю классовой борьбы в Центральной Азии. В первую очередь это была борьба с басмачеством. К 1930-м гг. басмаческое движение было почти полностью разгромлено. За неимением острой темы сегодняшнего дня авторы обращались к недавней истории.

Туркменистан стал удобным материалом для изображения народа, готового к будущей борьбе. Конечно, в литературе реализовывался и образ «мирного дехканина», который вступает в совхоз и трудится на благо социалистического строительства. Однако милитаристская риторика литературы 1930-х гг. заставляла поэтов в ряде произведений представить новых людей Туркменистана в первую очередь как бойцов, а потом уже как мирных трудящихся.

Из произведений, в которых отразились эти тенденции, вошедших в альманахи, следует в первую очередь сказать о стихотворениях В. Луговского и Г. Санникова². Эти тексты вошли в два альманаха

¹ Непомеченная вырезка из газеты «Туркменская искра» [11]; заметка так же, как и в «Литературной газете», носит название «Первая ударная» [12].

² Показательно, что В. Луговской был членом Литературного объединения Красной армии и флота, входил в редколлегию «оборонного» журнала

по материалам писательских поездок: «Туркменистан весной» (1932) и «Айдинг-Гюнлер» (1934)¹.

Стихотворная часть альманаха «Туркменистан весной» открывается стихотворением Луговского «Большевикам пустыни и весны», который без изменений вошел затем в «Айдинг-Гюнлер». Основной темой этого стихотворения становится освоение пустыни. Однако образность его во многом милитаристская. Отдавая дань агрономам, мелиораторам и прочим работникам сельского хозяйства, Луговской, как представляется, предпочтение отдает пограничникам:

Но злоба конскими подковами стучит,
И на границах скачут басмачи,
Раскинув лошадиные хвосты
На землю, воды и песок пустынь.
Дом, где сидим мы – это байский дом, –
Его поля засеяны кругом.
И чтобы убивать, и чтобы взять,
Он и пустыня возвращаются опять.
Но топот конницы и осторожный свист
Далеко слышит по пескам чекист, –
Засел прицел в кустарнике ресниц.
Да здравствуют
Работники границ!!! [13. С. 252]

«ЛОКАФ». Его фигура позднее ассоциировалась в том числе с борьбой с басмачеством. Так, Н. Громова в книге об эвакуации писателей во время Второй мировой войны приводит следующие слова О. Грудцовой, обращенные к Луговскому: «Всем простили спокойную совесть, с которой люди устраивались в тылу, ловкость, с которой добывали брони, ты же не обязан был воевать, но тебе не простили ничего. Не простили твоих ружей и сабель, выставленных вдоль стены в кабинете, твоих рассказов о борьбе с басмачами... Они до сих пор считают, что ты их обманул» [12. С. 71]. Санников в объединении не состоял, однако его стихотворения планировались к публикации в журнале. Тема «правды Востока» занимает Санникова в начале 1930-х гг. (в этот период он работает над романом в стихах «В гостях у египтян»). «В гостях у египтян» был включен в альманах «Туркменистан весной», а отрывок из него вошел в «Айдинг-Гюнлер».

¹ Далее также будет сказано об альманахе «Туркмения» (1936). Альманахи выбраны по принципу доступности читателю из центра – они были изданы в Москве, а не в Туркменистане.

Эти строки как бы подводят итог для читателя: освоение пустыни без пограничников невозможно. Басмачи хотят отобрать у дехкан землю, воду и песок, однако бдительный чекист рушит их планы. Туркменистан здесь предстает в первую очередь как пограничный регион и только затем – как источник ресурсов. Упомянутый бай, которого, по всей видимости, выгнали из дома, для туркменского дискурса – синоним классового врага¹. Причем его сообщником становится пустыня, образ которой вплетается в военную тему. Так, ранее Луговской пишет:

Пустыня была ветром в берега –
Она далеко чуяла врага.
Она далеко слышала врагов –
Удары заступа и шарканье плугов.
Три раза в час, в ворота бился гам –
Стучал дежурный с пачкой телеграмм,
И цифры, выговоры – в напор
В последнем чтении наполняли двор [13. С. 250–251].

Здесь появляется второй аспект «правдоподобного» изображения. Любая работа приравнивается к обороне: если пограничники обороняются от басмачей, то дехкане – от пустыни. Как видно из цитаты, пустыня здесь персонифицирована, она такой же враг, как и бай. Орудия труда фактически здесь приравнены к военному оружию. Наконец, Луговской заговаривает о «работниках пустынь»:

Какую силу вам дает одна
Единственная на земле страна!
Я сердце дам за каждого из вас,
Идущие в шеренге дней и масс –
Вы, незаметные учителя страны,
Большевики пустыни и весны.
Я сам иду, как взводный, – впереди –
Работы много, отдыха не жди.
Я говорю — знаю цену слов —
За каждого из вас я умереть готов.

¹ Так, А. Халид утверждает, что в Центральной Азии должны были быть найдены эквиваленты «кулакам» и «буржуям» и их место заняли бай, которые технически не вписывались ни в одну из этих категорий [3. Р. 216]

У нас у всех – одна, одна, одна –
Единственная на земле страна! [13. С. 252]

Речь заходит о «единственной на земле стране» – Советском Союзе. На самом деле не просто Туркменистан, а его в целом защищают большевики пустыни и весны. Характерно сравнение самого себя со взводным и желание умереть за каждого – оно закрепляет в стихотворении военную метафорику.

Именно авторство Луговского создает в стихотворении «эффект правдоподобия» – человек рассказывает о том, что видел сам. Характерно, что в этом стихотворении Луговской в принципе не обращается к туркменской культуре (хотя в задачу бригады писателей входило знакомство с ней) – для него это непринципиально. Правдивое изображение Туркменистана – это то, что поэт увидел своими глазами и как будто бы непосредственно воспроизвел. Туркменистан для Луговского – в первую очередь социалистическая республика.

В другом стихотворении – «Пустыня и я» – восточная тема вновь приобретает милитаристскую окраску:

Мы один еще раз
Нападем на тебя,
Пустыня.
Это будет последний
Песчаный
Бой [13. С. 261].

Герой, по всей видимости, уже начинает считать себя частью Туркменистана – он сливается с ним и даже в одном месте обращается к Аллаху:

Доктор
Мне прописал
Лошадиную дозу покоя.
Есть покой,
Есть и лошадь,
А дозу укажет аллах¹ [13. С. 258].

¹ Для 1932 г. упоминания Аллаха были вполне допустимы, однако следует отметить, что Луговской обращается к исламской теме скорее как к привычному ат-

Характерно здесь упоминание нападения: пустыня – агрессивный враг, на которого нужно напасть первыми:

Мы пойдем на тебя,
И лопаты
Заблещут от злости,
<...>
Ты начнешь отступать,
Огрызаясь
Камнями и костью
Погребенных племен
И вымерших городов [13. С. 258].

Показательно, что здесь наконец возникает тема истории Туркменистана, но в особом ключе: пустыня погубила племена и города, теперь настало время отбить у нее территорию обратно. Упоминание блещущих лопат снова делает орудие труда орудием войны, а затем тема орошения встает в один ряд с борьбой на границах:

А когда через Азию
Руки протянут
Народы,
Боевыми клинками
Границы срубив, –
Зелень двинется дальше,
Каналами ринутся воды,
И пойдут,
Клокоча,
На Герат и Мазар-Шериф [13. С. 258].

Фактически тема мелиорации – мирного труда – переплетается с темой уничтожения басмачества на сопредельных территориях. Стратегия Луговского здесь демонстрирует, что правдивое изображение Туркменистана неотделимо от борьбы за социализм. «Меня интересуют прежде всего такие темы, как ирригация», – так цитирует Луговского в газете «Туркменская искра» [6]. Однако видно, что ирригация все равно связана с военной тематикой.

рибиту воображаемого Востока, что восходит, разумеется, к общеевропейской литературной традиции – достаточно вспомнить «Подражания Корану» Пушкина.

Несколько иначе решает тему правдоподобного изображения Туркменистана Санников. Прежде всего следует сказать об истории текста, вошедшего в альманахи. В «Туркменистан весной» помещен, как было сказано ранее, роман в стихах «В гостях у египтян», где речь идет преимущественно об Узбекистане. Туркменистану посвящена только глава третья, которая поделена на четыре части: вступительную и три «туркменбаллады», как их обозначил сам автор: «О Келифском пути», «О туркменском ковре» и «О погибшем колхозе». Мы предполагаем, что эта глава была добавлена отдельно – для привязки произведения к задачам бригады. Во всяком случае, в фонде Санникова в РГАЛИ черновики, машинописи и гранки к туркменбалладам хранятся отдельно вместе с документами бригадной поездки¹. Рукопись начала «В гостях у египтян» расположена в единице хранения после машинописи и гранок «О туркменском ковре», в конце ее лишь указано:

Туркменбаллады

Советскому Туркменистану

1. Баллада первая о Бассага-Керкинском канале²

2. Песнь о туркменском ковре

3. Баллада о погибшем колхозе [14. Л. 27].

Черновые рукописи самих баллад расположены в другой единице хранения. Мы предполагаем, что писатели ехали в Туркменистан через Ташкент и именно там Санников смог получить материал для «В гостях у египтян», а туркменбаллады были добавлены, чтобы содержание романа в стихах соответствовало тематике альманаха. Третья глава находится в середине, до нее и после речь идет о Ташкенте.

В туркменбалладе «О туркменском ковре», перепечатанной в альманахе «Айдинг-Гюнлер» под заглавием «Туркменский ковер» уже в составе цикла «Пески и розы», речь должна была бы идти о собственно ковровом искусстве. Ковровое искусство – одна из ассоциаций, которая должна возникать у советского читателя в разговоре

¹ Как следует из содержания единицы хранения, баллады были напечатаны также в периодических изданиях.

² Имеется в виду канал, построенный в части Келифского Узбоя.

о Туркменистане. Туркменский ковер имеет уникальную технику, и мы наконец видим обращение к собственно туркменской культуре, как она должна быть представлена читателю. Санников решает тему правдоподобия иначе: это не увиденное своими глазами, а до некоторой степени стилизация под песню туркменского народного сказителя. Туркменбаллада разделена на пять частей: «Запев бахши», «Пенде-Гюль – ковер Туркмении», «Шерсть и краски», «Рисунок – песня по словам бахши», «Путь двугорбых, о котором в книгах не написано». В стихотворении речь идет о женщине, которая тклет ковер, – история о любимом, который погиб в схватке. Узор ковра фактически следует за событиями. Милитаристская тематика вводится за счет того, что история Туркмении не может быть описана без схваток с русскими завоевателями, и именно на этом на самом деле сконцентрировано стихотворение (цитируем по «Туркменистану весной», существенных расхождений с текстом из «Айдинг-Гюнлера» нет):

Шистоцерка? – Нет. Ткачиха
Протянула эту нитку,
Потому что стало лихо
В опустевшей вдруг кибитке.
Генерал с своею пылью
Объявился на границе
И подстреленною птицей
По коврику забилась.
На текинце, рея плеткой
Муж умчался в бой отважный.
С перерезанною глоткой
Принесли его однажды [13. С. 86].

Ковер, «взятый в схватке с басмачами», висит «под портретом В.И. Ленина» (в корректуре рукой Санникова исправление: вместо «Под портретом в клубе рика // Рдеет пламенным узором» – «Под портретом В.И. Ленина // Пламенеет в клубе рика» [14. Л. 5]). В рукописи есть вариант строфы, где на ковер укладывали труп мужа: «На неотканый с молитвой // Положили труп холодный» [15. Л. 60б.].

Санников сначала останавливается на варианте «На неотканые розы // Кровь остывшая струилась» [15. Л. 18], зачеркивает карандашом «Кровь остывшая» и подписывает сверху «Тишина беды» [15. Л. 18] и ту же правку вносит в гранки (видимо, оттиск был сделан раньше, чем

поэт передумал) [14. Л. 5]. Правка может быть мотивирована как чисто эстетическими соображениями, так и исключением натурализма в изображении войны, чтобы избежать нападков критиков.

Санников делает акцент на военных действиях, и в целом история Туркмении предстает здесь как история войны за независимость, освобождение от гнета. Если обратиться к рецепции стихотворений из альманахов, то А. Роскина в рецензии на альманахи «Айдинг-Гюнлер» и «Узбекистан», вышедшие в одно время, «Туркменский ковер» называется лучшей вещью Санникова, указывается что он смог показать правдивую картину туркменской истории:

Причудливый орнамент восточного ковра передает в красках жизнь соткавшей его туркменки; Г. Санников очень своеобразно показывает в лучшей вещи цикла – поэме «Туркменский ковер» – две неотделимые друг от друга судьбы – судьбу женщины и судьбу ткани, в рисунке которой автор как бы символически дает историю туркменского народа [16. С. 5].

Такой же высокой оценки удостоивается и Луговской, ему приписывается переход «от лирики “Мускула” к эмоциональной свежести и философскому оптимизму его последних произведений» [16. С. 5]. Весьма нехарактерным кажется то, что Санникова не упрекают за то, что он не показал, собственно, раскрепощение женщины. Так или иначе, в рецензии на первый план выходит судьба туркменки, а не война в Центральной Азии. В заметке «Литературный вечер в гостеатре» в газете «Туркменская искра» Санникова называют поэтом «“интимных” настроений и тонкой душевной мягкости», но утверждают, что «это интимность особого свойства»: «Стихи Санникова эмоционально насыщены. Они воспевают не экзотику старого Востока, они отражают в своих ритмических звучаниях гул пробуждающегося к новой жизни поработленного Востока» [17]. В отличие от альманаха «Узбекистан», которому в рецензии Роскина досталось больше критики, туркменские альманахи смогли занять нишу «правды Востока». От качества литературы, представленной в альманахах, это напрямую не зависело, но, возможно, зависело от имен авторов, которые оказались в кругу пишущих о Востоке. Так, и Санников, и Луговской стали «специалистами» по Центральной Азии¹. См., например, в рецензии А. Роскина:

¹ Причем у Луговского мог учитываться «военный» этап биографии.

Пять квалифицированных мастеров русского стиха (В. Луговской, В. Гусев, В. Инбер, Г. Шегели, Г. Санников) поместили в альманахах свои произведения. Трем из них – Луговскому, Санникову и Гусеву – тема социалистической реконструкции окраин Советского Союза особенно близка [16. С. 5].

Учитывая установки, которые декларировались писателями в прессе, во главу угла ставился непосредственный опыт проживания туркменской реальности, что в целом отвечало официальной установке на литературу, идущую от собственного опыта. В поэзии о Туркменистане несколько идеологических факторов накладывалось друг на друга (отсюда обращение «служившего» Луговского к современности, а Санникова – к прошлому).

Среди стихотворений туркменских авторов в альманахе «Айдинг-Гюнлер» милитаристскими тенденциями выделяется «Твоя цель» Шали Кекилова¹ в переводе С. Липкина. В стихотворении Туркменистан персонифицирован, и он становится примером борьбы:

Расправил плечи скованный титан,
Свободы требует рабочий стан!
Уже воюя с баями всех стран
Берет пример с былых боев твоих! [18. С. 164].

Важно отметить, что здесь к Туркменистану обращается туркмен, т.е. уже не гость-европеец, очарованный Центральной Азией, а ее уроженец. Это показательным образом соотносится с общей установкой на развитие народов периферии по примеру центра, где советский строй уже восторжествовал. Туркменистан Шали Кекилова уже не борется с пережитками – он их победил. Это стихотворение демонстрирует, что необходимо рассматривать не только влияние центра на периферию, но и реакцию последней, более того, как представляется, слияние с «советским народом вообще» здесь также не происходит². Многие туркменские стихотворения альманаха повествуют о прошлом (за исключением «На колхозном поле» Ата Ни-

¹ Туркменские имена мы даем так, как они отражены в источниках.

² На то, что имеется в виду все же Туркменистан, а не вся «Советская страна», указывает строка: «Растет СССР – и ты растешь» [18. С. 164].

язова), в этом же автор обращается к туркменскому «сегодня», подспудно формируя и образ будущего:

На всей земле воздвигнуть новый строй –
Строй коммунизма – цель борцов твоих! [18. С. 164].

В действительности, как кажется, стихотворение, включенное в юбилейный альманах, достигает нужной цели: образ нового Туркменистана передан исчерпывающе, именно таким его хотят видеть. Однако стихотворения Кекилова и Ниязова выбиваются из общего фона представленных в альманахе туркменских авторов.

Военные метафоры также указывают на готовность Туркменистана дать отпор внешнему врагу¹:

Ты внешнему врагу внушила страх
И внутренний тобой был сломлен враг [18. С. 164].

Здесь также можно увидеть отсылку к конфликтам на афганской границе, а также английской интервенции, однако основное содержание стихотворения скорее указывает на «внешних врагов вообще»:

На зло врагам ты крепнешь и растешь,
Приводишь империалистов в дрожь... [18. С. 164].

Тема борьбы с империализмом, конечно, весьма актуальна для советской идеологии этого периода, но значимо, что в дрожь империалистов приводит регион, где в действительности советская власть далеко не всегда встречала полную поддержку населения². Туркменистан, где, как представляется, советская власть сталкивалась с острыми проблемами, видится здесь уже идеальной советской республикой, готовой к борьбе.

¹ Еще с конца 1920-х гг. в СССР наблюдается нагнетание военной угрозы.

² Достаточно здесь упомянуть так называемый Асхабадский мятеж 1918 г. См. также у Халида (описывается период сплошной коллективизации): «В Туркменистане вооруженное сопротивление распространилось на восемнадцать из тридцати восьми районов с эпицентром в пустыне Кара-Кум» [3. Р. 224]. По всей видимости, имеется в виду также восстание 1931 г., описанное в книге А.К. Алланиязова «Красные Каракумы» [19].

Появляются в стихотворении и типичные атрибуты Туркменистана: «Свобода – степь твоя, конь скаковой!» [18. С. 164]. Однако здесь их количество минимизировано, ведь у автора нет задачи «по-стигать Туркмению», он оттуда родом. Своим домом герой считает не кибитку, а казарму: «Казарма! Ты красноармейский дом...» [18. С. 164].

Таким образом, это стихотворение о борьбе за будущее – наиболее милитаризованное из всех. Автор не отвлекается ни на борьбу с пустыней, ни на орошение и даже о прошлом говорит только в торжественно-победных тонах. У А. Роскина оно даже не отмечено особо; выделив Амана Кекилова, Дурды Клычева (Клыча) и Берды Султан Ниязова, рецензент (раздел о стихах написан не Роскиным, а Ю. Севруком, на что указывает сноска в тексте) заключает: «Остальным стихам свойственен схематизм и злоупотребление политическими формулами и лозунгами» [16. С. 6]. Обвинение в схематизме и лозунговости – общее место в советской литературной критике. Значимо здесь, однако, что русскоязычные стихотворения все равно привлекают больше внимания рецензента, хотя, если учитывать установку на правдивое изображение Туркменистана через собственный опыт, этого как раз можно в первую очередь ожидать от туркмена. На момент написания статьи нам ничего не известно о биографии Шаали Кекилова периода Гражданской войны, однако в архивных источниках он не упоминается среди тех авторов, чья политическая грамотность подвергается сомнению.

Последнее стихотворение, о котором стоит сказать, – «Мой гнедой конь» Ходжа Непеса Чарыева в переводе В. Звягинцева, опубликованное в альманахе «Туркмения» (1936). Стихотворение носит подзаголовок «Красноармейская песня» и начинается следующим образом:

Обороне вместе служим
Как друзья, гнедой мой конь [20. С. 238].

Этому стихотворению не уделено отдельного внимания рецензентки альманаха (ею была Аделина Адалис, сама рецензия хранится в РГАЛИ, где она была опубликована, нам пока установить не удалось), имя Чарыева даже не названо в ряду туркменских авторов,

стихи которых «своей невыразительностью похожи друг на друга» [21. С. 31] (возможно, по той причине, что он был председателем Правления союза писателей Туркменистана). К сожалению, мы не располагаем оригиналом этого стихотворения, однако можно предположить, что оно в том числе основано на туркменском фольклоре – коневодство занимает важное место в туркменской культуре и, соответственно, становится одним из символов Туркменистана. Таким образом, здесь работает классическая формула сталинской эпохи о литературе, национальной по форме и социалистической по содержанию. Стихотворение, возможно, могло вызвать у рецензентки вопросы эстетического характера, однако сочетание милитаристской и туркменской образности в нем достаточно явно выражено. Текст заканчивается следующим образом:

Он несет и груз тяжелый:
Надо – в пушку запряжем мы,
С ним страну убережем мы,
Верный часовой мой конь [20. С. 238].

Фактически, если убрать первое и последнее четверостишия, текст превратится просто в песню о верном друге – боевом коне. Это заставляет предполагать, что оно действительно могло иметь своим источником туркменский фольклор и таким образом устанавливало связь с «правдой Востока», хотя, конечно, песня о коне в той же степени может встретиться и в любом другом регионе. Однако в силу того, что стихотворение помещено в контекст альманаха «Туркмения», оно, как представляется, должно создавать у читателя именно такое впечатление.

Советская официальная поэзия создавала образ страны, которой никогда не было, касалось это и Туркменистана, и вообще Востока. Восток в советской поэзии, вопреки декларируемой установке, оставался воображаемым пространством, которое было предъявлено читателю как правдоподобное. Выбирая отдельные характерные элементы туркменского быта, например ковровое искусство, авторы превращали их в материал для конструирования различных паттернов, смысл которых сводился к одному: настоящий Туркменистан – республика социалистическая, ее история – история борьбы за неза-

висимость. Эксплицитно это не выражалось, но фактически культура периферии оказывалась важной, только когда она служила на благо страны (так, туркменский ковер, помимо символической ценности, несет экономическую, – поэтому его нужно отобрать у басмачей). Стремясь откреститься от неправдоподобного и экзотического изображения региона и его истории, поэты порождали новый миф о Туркменистане – о стране социалистического строительства, рождающейся в борьбе с пустыней и басмачами. И читатель также должен был в это поверить, причем не только русскоязычный, но и туркменский. И Восток, и военные действия оставались воображаемым конструктом, реализующим в действительности внеисторический взгляд на «последний решительный бой». Однако в стихотворении Шали Кекилова перевернут принцип взаимоотношений между центром и периферией, что привносит в миф о Туркменистане дополнительный аспект.

Однако не следует забывать о более широком контексте этих произведений. Разумеется, тема борьбы с пустыней не была новой для европейской литературы о Востоке. Однако само сочетание модели социалистического строительства, которое куется в классовой войне, и представления об обновленном Востоке, а не просто о противостоянии пустыни и отдельного человека, показательно. Пустыня должна быть преображена и ведется коллективная война с нею. Речь идет не о взгляде европейца, а о необходимости погрузиться в новую восточную реальность. Это, впрочем, не ново для европейской литературы, так, герой Н. Гумилева вполне может перевоплотиться в мусульманина, как, например в его стихотворении «В пустыне» (тема одиночества в пустыне, безусловно, одна из доминирующих в стихотворении «Пустыня и я»). Форма подачи сохраняется, но изменяется содержание произведений, подчеркивается коллективность борьбы. Любая борьба так или иначе становится обороной (даже если на пустыню нужно «напасть», это происходит, так как она уже напала и отступила). Тем не менее в стихотворениях В.А. Луговского прослеживается и взгляд героя-одиночки. Впрочем, именно за этот период творчества он был вынужден приносить извинения (речь идет об отдельной книге «Большевикам пустыни и весны»):

Первый недостаток заключается в том, что в этой книге еще слабо отражена классовая борьба. <...> Затем я взял пустыню как стихию. <...>

Наконец, третий недостаток книги заключается в том, что большевики пустыни и весны воспринимаются мной как пришедшие в Среднюю Азию извне. У меня дан недостаточно массовик – туркмен и узбек в обстановке Средней Азии [22. С. 360].

Такого рода самокритика весьма показательна. Ее можно интерпретировать как стремление дистанцироваться от паттернов литературы прошлого: без классовой борьбы, с увлечением стихийностью природы, с фокусировкой на взгляде европейца (отметив, впрочем, что само стихотворение «Большевикам пустыни и весны» выводит и героев-туркмен). И хотя первое, по сути, становится просто штампом советской литературной критики (классовая борьба выведена недостаточно), само по себе это показательно для понимания, почему оборона от пустыни, облеченная в военную метафорику, – одна из центральных тем в поэзии 1930-х гг. о Востоке. Пустыня – такой же классовый враг, и ему объявлена война новым советским миром.

К.С. Соколов в связи с советской поэзией о Центральной Азии практически уравнивает поэзию Луговского с поэзией Р. Киплинга. С этим сложно не согласиться, так, ученый указывает на то, что Киплинг был безусловно интересен советским неоромантикам, в том числе и Луговскому, приводя различные свидетельства. «Азиатский фронт советской цивилизации действительно требует от представителя передового строя того же, чего, по Киплингу, требует колониальный фронт от представителя цивилизации, – привития “подлинных ценностей”» [23. С. 126]. Однако, если поместить стихотворения Луговского и тем более Санникова в контекст альманахов, в особенности «Айдинг-Гюнлера», где есть и туркменская поэзия, прямое отождествление с «Бременем белых» начинает казаться натянутым. Так, ссылаясь на статью К. Ходжсона «The Poetry of Rudyard Kipling in Soviet Russia», Соколов пишет о том, что народам Центральной Азии в этой поэзии, по сути, отказано в субъектности. Вероятно, с этим можно согласиться, если посмотреть на стихотворения Луговского, однако помещение рядом с ними текстов Санникова делает проблему более сложной, не говоря уже о том, что поэтика «Бремени белых» и «Большевикам пустыни и весны» принципиальна различна; так, вряд ли Луговской назвал бы туркмена «твой подопечный», от него требовалось совсем другое. Совершенно спра-

ведливо, что и у Кипплинга встречается метафора войны, однако, как было указано выше, в этой войне не принимает участие само население колоний. Как представляется, «мы» Луговского все же имеет отношение не только к «пришедшим извне». Фактически воевать с пустыней люди, прибывшие из центра, и жители периферии должны плечом к плечу, в идеале между ними не должно быть иерархии. И в этом смысле стоит вернуться к стихотворениям туркменских авторов, которые как минимум не состоят из восхваления советских благодетелей, как максимум – подчеркивают собственную готовность к «песчаному бою».

Список источников

1. Саид Э. Ориентализм. М. : Музей современного искусства «Гараж», 2021. 560 с.
2. Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 332 с.
3. Khalid A. Central Asia: A New History from the Imperial Conquests to the Present. Princeton ; Oxford : Princeton UP, 2021.
4. Скаков Н. Культура Полтора // Новое литературное обозрение. 2020. № 1. С. 104–123.
5. Козицкая Ю. «Язык мой неспокоен...»: эротические песни акына Джамбула Джабаева // Новое литературное обозрение. 2020. № 5. С. 113–128.
6. Holt K.M. The Rise of Insider Iconography: Visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language Literature and Film, 1921–1935 : Ph.D. Diss. Columbia, 2013. 322 p.
7. Для чего мы приехали в Туркмению. Беседа с участниками первой бригады писателей // Туркменская искра. 1930. 1 апреля.
8. Писатели у предсовнаркома Туркменской ССР т. Атабаева // Литературная газета. 1934. 14 февраля.
9. Первая ударная. Писатели выезжают в Туркменистан // Литературная газета. 1930. 30 марта.
10. Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. М. : ИМЛИ РАН ; «Наследие», 2010. 418 с.
11. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 27. Л. 49.
12. Громова Н. Ноев ковчег писателей. Эвакуация 1941–1945. Чистополь, Елабуга, Ташкент, Алма-Ата. М. : Corpus (ACT), 2019.
13. Туркменистан весной. М. ; Л. : ГИХЛ, 1932. 449 с.
14. РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 32.
15. РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 7.

16. Роскин А. Расцвет республик Советской земли // Художественная литература. 1935. № 6. С. 3–6.
17. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 27. Л. 50.
18. Айдинг-Гюнлер. [М. :] Юбилейная комиссия ЦИК ТССР, 1934. 221 с.
19. Алланиязов А.К. Красные Каракумы: Очерки истории борьбы с антисоветским повстанческим движением в Туркменистане (март–октябрь 1931 года). Жесказган ; Алматы : [б. и.], 2006. 295 с.
20. Туркмения. М. : Советский писатель, 1936. 320 с.
21. Адалис А. Туркмения // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 57.
22. Луговской В.А. Собрание сочинений. М. : Худож. лит., 1989. Т. 3. 525 с.
23. Соколов К.С. Герой азиатского фронта в советской поэзии конца 20–30-х годов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 1, вып. 4. С. 123–130.

References

1. Said, E. (2021) *Orientalism* [Orientalism]. Translated from English. Moscow: Muzei sovremennogo iskusstva “Garazh”.
2. Tol’ts, V. (2013) “*Sobstvenny Vostok Rossii*”: *Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskiy i rannesovetskiy period* [“Russia’s Own East”: Identity Politics and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Khalid, A. (2021) *Central Asia: A New History from the Imperial Conquests to the Present*. Princeton, Oxford: Princeton UP.
4. Skakov, N. (2020) Kul’tura Poltora [Culture One and a Half]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 1. pp. 104–123.
5. Kozitskaya, Yu. (2020) “Yazyk moy nespokoen...”: eroticheskie pesni akyna Dzhambula Dzhabaeva [“My tongue is restless ...”: erotic songs of akyn Dzhambul Dzhabaev]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 5. pp. 113–128.
6. Holt, K.M. (2013) *The Rise of Insider Iconography: Visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language Literature and Film, 1921–1935*. Ph.D. Diss. Columbia.
7. *Turkmenskaya iskra*. (1930) Dlya chego my priekhali v Turkmeniyu. Beseda s uchastnikami pervoy brigady pisateley [Why did we come to Turkmenistan. Conversation with the participants of the first brigade of writers]. 1 April.
8. *Literaturnaya gazeta*. (1934) Pisateli u predsovnarkoma Turkmenskoy SSR t. Atabaeva [Writers visiting Comrade Atabaev, the head of the Soviet People’s Committee of the Turkmen SSR]. 14 February.
9. *Literaturnaya gazeta*. (1930) Pervaya udarnaya. Pisateli vyezshayut v Turkmenistan [First shock. Writers go to Turkmenistan]. 30 March.
10. Platonov, A.P. (2010) *Zapisnye knizhki. Materialy k biografii* [Notebooks. Materials for the biography]. Moscow: IWL RAS, “Nasledie”.

11. Russian State Archive of Literature and Art. Fund 631. List 6. Item 27. Page 49.
12. Gromova, N. (2019) *Noev kovcheg pisateley. Evakuatsiya 1941–1945. Chistopol', Elabuga, Tashkent, Alma-Ata* [Noah's ark of writers. Evacuation of 1941–1945. Chistopol', Yelabuga, Tashkent, Alma-Ata]. Moscow: Corpus (AST).
13. Anon. (1932) *Turkmenistan vesnoy* [Turkmenistan in the spring]. Moscow; Leningrad: GIKhL.
14. Russian State Archive of Literature and Art. Fund 3256. List 1. Item 32.
15. Russian State Archive of Literature and Art. Fund 3256. List 1. Item 7.
16. Roskin, A. (1935) Rastsvet respublik Sovetskoy zemli [The heyday of the republics of the Soviet land]. *Khudozhestvennaya literatura*. 6. pp. 3–6.
17. Russian State Archive of Literature and Art. Fund 631. List 6. Item 27. Page 50.
18. Sannikov, G. et al. (1934) *Ayding-Gyunler*. [Moscow:] Yubileynaya komissiya TsIK TSSR.
19. Allaniyazov, A.K. (2006) *Krasnye Karakumy: Ocherki istorii bor'by s antisovetskim povstancheskim dvizheniem v Turkmenistane (mart-oktyabr' 1931 goda)* [Red Karakum: Essays on the history of the fight against the anti-Soviet insurrectionary movement in Turkmenistan (March–October 1931)]. Zheskazgan; Almaty: [s.n.].
20. Anon. (1936) *Turkmeniya* [Turkmenistan]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
21. Russian State Archive of Literature and Art. Fund 631. List 6. Item 57. Adalis, A. *Turkmeniya* [Turkmenistan].
22. Lugovskoy, V.A. (1989) *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
23. Sokolov, K.S. (2019) Geroy aziatskogo frontira v sovetskoy poezii kontsa 20–30-kh godov [The Hero of the Asian Frontier in Soviet Poetry of the Late 1920s and 1930s]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 1 (4). pp. 123–130.

Информация об авторе:

Бурцева А.О. – аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: alla.burtseva@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.O. Burtseva, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: alla.burtseva@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 09.10.2022.

The article was accepted for publication 09.10.2022.